

На следующий день, когда город начал погружаться в сумерки, Цинь Янь, верный своему обещанию, прибыл в больницу, чтобы забрать Цзи Мяня на банкет.

Это торжество не предполагало строгого дресс-кода — скорее, это была встреча золотой молодёжи, повод для праздного веселья, так что Цзи Мяню не пришлось облачаться в официальный костюм. Он выбрал чёрное пальто с чёткими линиями плеч, которые визуально делали его фигуру чуть шире. Крой был подобран безупречно: он скрывал чрезмерную худобу Сюй Чицю, но при этом выгодно подчёркивал изящество его статного костяка.

В вопросах быта, одежды и еды Сюй Чицю был придирчив до крайности, порой становясь невыносимым для окружающих. Однако даже его критичный взгляд не смог бы найти изъяна в том образе, который создал Цзи Мянь.

Остановившись перед зеркалом в ванной, Цзи Мянь всмотрелся в незнакомое лицо. В глубине его чёрных зрачков застыло равнодушие.

Внешность прежнего владельца тела была незаурядной: алебастровая кожа, длинные ноги, глубокие черты лица. Тёмные брови вразлёт, уголки глаз чуть приподняты к вискам — и при этом ни капли агрессии во взгляде. В его облике, тронутом печатью долгой болезни, сквозила особая, надломленная и почти порочная эстетика.

Система чувствовала: в этот момент в теле почти не осталось самого Цзи Мяня. Он прилежно изучал повадки Сюй Чицю, подражая его манерам, мастерски имитировал чужую личность, больше не допуская тех неловких проявлений собственного «я», что случались в прошлом мире.

Причина была очевидна, и Система её знала.

Цзи Мянь слишком устал.

Он был не в силах снова и снова искренне вкладывать душу в каждое новое воплощение. Тело Сюй Чицю стало для него идеальным панцирем, в который он, подобно улитке, спрятался от реальности.

Но Система понимала и другое: как бы искусно юноша ни лицедействовал, он никогда не станет Сюй Чицю. Аура души — то, что невозможно скрыть под любой маской. Рано или поздно он себя выдаст.

Цинь Янь уже ждал в палате. Он некоторое время провёл у кровати Сюй Чицю, прежде чем из ванной вышла высокая стройная фигура. На Цзи Мяне было то самое элегантное чёрное пальто, и едва он увидел гостя, как на его обычно холодном лице медленно расцвела улыбка.

Небрежно прислонившись к дверному косяку и положив одну руку на раму, он слегка вскинул бровь. Его шея с плавными, горделивыми линиями чуть изогнулась.

— Ну, как я тебе? — с улыбкой спросил он.

Этот Сюй Чицю разительно отличался от того бледного, немощного юноши в безразмерной больничной пижаме, которого Цинь Янь видел два дня назад. Контраст был настолько велик, что мужчина на мгновение оцепенел, забыв, что именно таким Сюй Чицю и должен быть на самом деле.

— Превосходно, — отозвался он, придя в себя.

Цинь Янь сам был за рулём. Цзи Мянью устроился на пассажирском сиденье, задумчиво глядя в окно на проносящиеся мимо огни.

— А где Чжися? Ты разве не собирался взять его с собой? — поинтересовался он.

— Он сказал, что уже договорился с однокурсниками пойти в караоке, — водитель покачал головой и вздохнул. — Не захотел нарушать обещание, попросил забрать его после девяти вечера.

Цзи Мянью заметил: несмотря на вздох, Цинь Янь улыбался. Любому было ясно, насколько они близки. Только очень дорогому человеку обычно послушный Сюй Чжися мог позволить себе капризно просить Цинь Яня приехать за ним в столь поздний час.

Пальцы Цзи Мянью, лежавшие на коленях, напряглись. Он пытался вызвать в себе эмпатию, войти в резонанс с чувствами Сюй Чицю, гадая, какую бурю эмоций испытал бы тот сейчас.

«Сюй Чицю» пришлось приложить немало усилий, чтобы его голос прозвучал ровно, без горечи.

— Чжися уже не ребёнок, почему он до сих пор такой ветреный?

— Ему всего девятнадцать, в этом возрасте тяга к веселью — обычное дело, — тон собеседника был полон снисхождения и той нежной заботы, которой он, кажется, и сам не замечал.

В школе Сюй Чжися дважды перепрыгивал через классы, поэтому, учась на третьем курсе университета, он был на два года младше своих сверстников.

Цзи Мянью не стал развивать эту тему. Возвращаться к ней было выше его сил — это не принесло бы ничего, кроме щемящей тоски в груди.

Цинь Янь припарковал машину и проводил спутника на борт огромного круизного лайнера. Стоило стюардам услышать имя гостя, как они почтительно вытянулись в струнку и немедленно вручили им две карты-ключа от кают.

Организатор банкета, Линь Сюй, встречал прибывших у самого входа. Одной рукой он обнимал высокую женщину в алом платье — свою новоиспечённую супругу. Завидев Цинь Яня, он расплылся в улыбке и, оставив жену, поспешил навстречу другу.

— Поздравляю со свадьбой, — произнёс Цинь Янь.

— Огромное спасибо, что почтил нас своим присутствием, господин Цинь, — ответил Линь Сюй. Его взгляд скользнул по спутнику гостя, и в глазах вспыхнуло нескрываемое изумление.
— А это?..

— Сюй Чицю, старший брат Чжися.

Линь Сюй понимающе кивнул. Значит, тот самый старший сын семьи Сюй.

Имя Сюй Чицю нечасто звучало в их кругах. Из-за вечных болезней он почти не покидал стен больницы и редко общался с представителями других влиятельных семей. Однако Линь Сюй не раз слышал о нём от самого Цинь Яня или при встречах с Сюй Чжися.

— Рад знакомству, я Линь Сюй, — он протянул руку.

В ответ на его ладонь легла костлявая, длинная и неестественно бледная правая рука. Линь Сюй на мгновение замер, ощутив умеренное пожатие. Когда он отпустил ладонь гостя, его охватил невольный озноб.

Кожа Цзи Мяня была ледяной. Мужчина ощущал под пальцами лишь кости, словно он коснулся руки мертвеца. Не в силах скрыть брезгливости, Линь Сюй непроизвольно потёр ладонь о бедро.

Изумление в его глазах мгновенно сменилось разочарованием. Теперь, присмотревшись к внешности Цзи Мяня повнимательнее, он заметил все те изъяны, что скрывались за красивой оболочкой: слишком острые плечи, выпирающие ключицы, болезненную бледность лица...

Да и одежда — сейчас разгар лета, они в море, а этот человек закутался в плотное пальто...

Линь Сюй невольно вспомнил руки Сюй Чжися: длинные, изящные пальцы, мягкие ладони без единой мозоли, нежные, словно дорогой шёлк. Даже при том, что Линь Сюй не интересовался мужчинами, он не мог не признать, что младший брат был редким красавцем, в котором невозможно было найти ни единого изъяна.

Заметив перемену в лице Линь Сюя, Цзи Мянью, словно прозревая все его мысли, опустил взгляд и убрал руку. Кончиками пальцев он потянул манжет, скрывая тыльную сторону ладони под тканью.

— Хочешь войти? — Цинь Янь, не заметивший этой немой сцены, повернулся к спутнику. — Или предпочтёшь подышать морским воздухом?

Летние ночи на побережье были тёплыми, а бриз — ласковым. Он не боялся, что Цзи Мянью простудится.

— Давай войдём, — ответил Цзи Мянью. — В такой час поверхность моря, скорее всего, всё равно черная.

Цинь Янь понимающе кивнул и повёл его в главный банкетный зал лайнера.

Зал сиял огнями. Официанты уверенной походкой сновали в толпе, разнося напитки и изысканные закуски. В центре зала несколько пар в вечерних нарядах кружились в танце под звуки музыки, остальные же разбились на группы по несколько человек, увлечённо беседуя и смеясь.

Опасаясь, что его спутник может оступиться или почувствовать слабость, Цинь Янь не выпускал локоть Цзи Мянью из руки. Зная, что Сюй Чицю не выносит шума и суеты, да и стоять ему долго нельзя, он направился напрямик к зоне отдыха в дальнем углу зала.

Там не было ярких ламп; единственным источником света были отблески из центра зала, поэтому в углу царил уютный полумрак. Цинь Янь шёл впереди, Цзи Мянью следовал за ним в полшага.

В этот момент высокая мужская фигура, проходившая мимо, задела плечо Цинь Яня. Тот покачнулся, потянув за собой Цзи Мянью.

Едва восстановив равновесие, Цинь Янь нахмурился и вскинул взгляд на человека, столкнувшегося с ним. Узнав его, он замер, и выражение его лица мгновенно изменилось.

— Лу Гэ?

Услышав это имя, Цзи Мянью тоже посмотрел на незнакомца.

Одет тот был, пожалуй, наиболее вызывающе и небрежно среди всех гостей лайнера: просторная цветастая майка без рукавов и чёрные шорты. Казалось, он пришёл не на светский раут, а на пляжную прогулку.

Среди гостей банкета было немало знаменитостей и артистов, зал пестрел красивыми лицами. Но этот мужчина ни в чём не уступал самым признанным красавцам. Его черты были резкими, волевыми. Густые чёрные ресницы, прямые и короткие, не изгибались кверху, как у многих, а тяжело опускались вниз, скрывая половину зрачка. Из-за того, что свет в его глазах был наполовину приглушён ресницами, взгляд казался ленивым и рассеянным.

Лу Гэ поднял руку и брезгливо стряхнул невидимую пыль с того плеча, которым задел Цинь Янь, словно случайно коснулся чего-то нечистого. Лишь после этого он медленно вскинул бровь, и на его губах заиграла фальшивая, высокомерная улыбка.

— О, неужели это сам директор Цинь?

Стоило ему заговорить, как первое впечатление о «рассеянности» у Цзи Мянэ мгновенно улетучилось. Этот человек не был ленив — напротив, в его голосе сквозило такое запредельное высокомерие, что оно вызывало почти физический дискомфорт. В изгибе его бровей читалась порочная игривость, а сам он был полной противоположностью сдержанному и безупречному Цинь Яню.

Цзи Мянэ принялся искать информацию об этом человеке в памяти Сюй Чицю.

Лу Гэ...

Это имя встречалось в воспоминаниях, порой Цинь Янь упоминал его в разговорах. Судя по описаниям друга, этот тип был крайне неприятным субъектом: вёл себя разнузданно и дико, и, несмотря на происхождение из знатной семьи, не унаследовал ни капли благородства. Цинь Янь, человек строгих правил, разумеется, не выносил вечного гуляку.

К тому же семья Лу несколько лет назад начала осваивать рынок развлечений и медиа, так что Лу Гэ стал прямым конкурентом своего оппонента. Несмотря на репутацию повесы и бездельника, он обладал недюжинной деловой хваткой — Цинь Яню несколько раз приходилось сталкиваться с ним в бизнесе, и он ни разу не смог одержать над ним чистую победу.

Пока Цзи Мянэ размышлял, он почувствовал на себе тяжёлый, пристальный взгляд. Обернувшись, он встретился с холодными глазами Лу Гэ. Тот лишь мельком окинул его фигуру оценивающим взглядом.

— Мужчина?

Тот хмыкнул, глядя на худого, почти прозрачного юношу.

— Вкусы директора Циня становятся всё... специфичнее, — протянул он с многозначительной ухмылкой.

Цинь Янь недовольно нахмурился и выпустил руку Цзи Мян.

— Не суди всех по своей мерке. Чицю — член семьи Сюй, и он мне не «кто-то».

Хотя богатство и влияние семьи Сюй не могли сравниться с кланами Цинь или Лу, в городе А они были весьма уважаемы. Человек, вращающийся в высшем свете, не мог не знать о них.

Лу Гэ, очевидно, тоже слышал это имя. Когда его взгляд снова на мгновение встретился со взглядом Цзи Мян, он задержался на нём чуть дольше.

— А, так ты и есть тот самый задохлик из семьи Сюй?

Цзи Мян промолчал.

— Я-то думал, ты давно почил, — со смешком бросил Лу Гэ следующую фразу.

Его слова были настолько поразительны в своей грубости, что невольно возникал вопрос: как он до сих пор жив и его никто не придушил? Как и говорил Цинь Янь, этот парень был воплощением несносности.

— Кхм-кхм... — словно подстегнутый этими словами, Цзи Мян внезапно зашёлся в кашле. Но даже кашель его был слабым, безжизненным, будто в следующую секунду у него попросту не хватит сил вдохнуть.

Юноша на самом деле не был разгневан — в этом мире, пожалуй, не осталось ничего, кроме Сюй Чжися, что могло бы по-настоящему задеть его за живое. Но это был прекрасный шанс завоевать жалость Цинь Яня, и Цзи Мян не собирался его упускать.

Он согнулся в приступе кашля, вцепившись правой рукой в сорочку Цинь Яня, чтобы удержаться на ногах и не рухнуть на пол.

Цинь Янь, как и ожидалось, тут же переключил всё внимание на него. Промедлив секунду в замешательстве, он в панике положил руку на спину спутника, осторожно похлопывая. Он старался действовать как можно нежнее, но тело под его ладонью казалось тонким листом бумаги, который может рассыпаться от малейшего прикосновения.

Цзи Мян, воспользовавшись моментом, прижался лбом к груди Цинь Яня. Со стороны это выглядело так, будто мужчина нежно обнимает его.

От напряжения лицо и шея юноши покрылись нездоровым румянцем, всё тело мелко дрожало. Даже через пальто проступили острые лопатки — словно хрупкие крылья бабочки, затрепетавшие на лепестке цветка.

— Да я просто пошутил, — Лу Гэ наблюдал за этой сценой с полным безразличием. — Молодой господин Сюй, не стоит так кипятиться.

Понятие эмпатии было для Лу Гэ пустым звуком. Казалось, он родился без инстинкта сострадания к слабым и за двадцать с лишним лет так и не научился саморефлексии.

— Лу Гэ! — Цинь Янь продолжал поглаживать Цзи Мяня по спине, стараясь успокоить его дыхание. Его голос был холодным как лёд. — Не переходи границы.

Лу Гэ и не думал извиняться. Он лишь безучастно пожал плечами и, не оглядываясь, прошёл мимо них.

<http://bllate.org/book/15358/1423371>